

Изъ записокъ Н. В. Исакова.

1849. Назначеніе въ составъ чрезвычайнаго посольства генераль-адъютанта П. Х. Граббе въ Константинополь.

Авторъ настоящихъ записокъ Н. В. Исаковъ, родился въ 1821 г. и скончался въ 1891 г. Воспитаніе получилъ въ первомъ моск. кадетскомъ корпусѣ и въ 1839 г. былъ произведенъ въ прапорщики въ 12-ю конную батарею. Въ 1842 г. окончилъ курсъ император. военной академіи и затѣмъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба служилъ въ Петербургѣ, Варшавѣ, а съ 1846 года на Кавказѣ, гдѣ въ 1847 и 1848 гг. исполнялъ обязанности начальника полевого штаба въ Дагестанскомъ отрядѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова. Посланный въ концѣ 1848 года намѣстникомъ Кавказскимъ княземъ Воронцовымъ съ донесеніемъ къ Императору Николаю Павловичу объ усмиреніи Сѣвернаго Дагестана, Н. В. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ 1849 году Н. В. принималъ участіе въ Венгерской кампаніи, а засимъ въ Севастопольскую войну состоялъ начальникомъ штаба 6-го корпуса въ Крыму. Въ коронацію Императора Александра II Н. В. производится въ генераль-майоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Послѣ кратковременнаго участія, въ качествѣ члена, въ занятіяхъ образованнаго въ 1858 году при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ для разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ объ освобожденіи крестьянъ земскаго отдѣла, Н. В. былъ назначенъ въ январѣ 1859 года попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Тамъ Н. В. оставилъ по себѣ не только память, какъ о дѣйствительномъ покровителѣ просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова, но и такіе памятники, какъ первые педагогическіе курсы для приготовленія учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, первая учительская семинарія для народныхъ учителей, Румянцевскій музей, имъ перевезенный изъ Петербурга, и Публичный, имъ основанный. Съ 1863—1881 гг. Н. В. былъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и совмѣстно съ графомъ Д. А. Милютинымъ произвелъ ихъ коренную реформу, имѣвшую столь громадное значеніе не только для нашей арміи, но и для русскаго просвѣщенія вообще. Въ то же время Н. В. создалъ педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній и музей прикладныхъ знаній (Соляной Городокъ) съ его аудиторіями для народныхъ чтеній. Московскій политехническій музей, явившійся, какъ резуль-

татъ бывшей въ Москвѣ въ 1872 году политехнической выставки, коей предсѣдателемъ былъ Н. В., обязанъ своимъ существованіемъ главнымъ образомъ иниціативѣ и трудамъ Н. В.

Независимо отъ сего Н. В. принималъ самое близкое и дѣятельное участіе въ обществѣ Краснаго Креста, вынеся на себѣ въ 1877—78 гг. всю тяжесть организаціи помощи раненымъ въ турецкую войну, въ качествѣ предсѣдателя исполнительнѣйшей комиссіи общества. Точно также Н. В. пришлось внести и новыя мысли и сдѣлать рѣшительные шаги въ области общественнаго призрѣнія и частной благотворительности. Близко интересуясь этими вопросами, Н. В., какъ членъ совѣта Императорскаго человеколюбиваго общества, посвятилъ много труда приведенію въ порядокъ отдѣльныхъ частей этого крупнаго учрежденія. Имъ же положено начало изученію положенія и дѣятельности нашихъ благотворительныхъ учреждений и съ этой цѣлью изданъ имъ подъ его редакціей и непосредственнымъ наблюденіемъ „Сборникъ свѣдѣній о благотворительности въ Россіи и за границей“ въ семи томахъ. Получивъ возможность болѣе широко посвятить себя этой области, со времени назначенія своего членомъ Государственнаго Совѣта въ 1881 году, Н. В. былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ журнала „Дѣтская Помощь“, по словамъ редактора коего протоіерея Смирнова-Платонова „исключительно одному ему, Н. В., принадлежитъ у насъ починъ серьезной литературной обработки вопросовъ общественной благотворительности“.

Н. В. оставилъ послѣ себя записки, обнимающія почти всю его жизнь. Онѣ имѣются въ двухъ редакціяхъ—черновой и бѣловой. Первая, главнымъ образомъ въ той части, которая касается службы на Кавказѣ, въ свитѣ Императора Николая I. въ Крымскую войну, составлялась вскорѣ послѣ описываемыхъ событій на основаніи записей въ памятныхъ книжкахъ; также сохранившихся. Вторая обрабатывалась впоследствии. Мы здѣсь печатаемъ пока часть записокъ, касающихся командировки его въ Константинополь въ составѣ посольства генералъ-адъютанта Граббе, затѣмъ и службы его на Кавказѣ.

1849 годъ засталъ меня въ Полтавѣ на рекрутскомъ наборѣ, на который тогда Государь разсылалъ своихъ флигель-адъютантовъ. Скучное, однообразное препровожденіе времени. Губернаторомъ былъ Ознобишинъ, вдовецъ, меланхоликъ, брюгливый старикъ. При немъ племянница, старая дѣвица, привѣтливая, пріятная. У нихъ иногда обѣдали изрѣдка, бывали вечера. Въ городѣ ни малѣйшаго удобства, ни квартиры порядочной, ни гостиницы.

По возвращеніи въ Петербургъ, 20-го марта вечеромъ мнѣ принесли пакетъ отъ дежурнаго генерала Игнатьева. Дворъ собирался въ Москву на Пасху и на освященіе новаго дворца въ Кремлѣ. Со времени вѣнчанія наслѣдника, императорская фамилія тамъ не была, и въ мой проѣздъ черезъ Москву изъ Полтавы, я слышалъ и видѣлъ, какъ все готовилось къ приему;

дворецъ оканчивали въ подробностяхъ; общество ждало правднествъ, служащія наградъ, всѣ искренно желали видѣть царскую семью съ неподдѣльнымъ чувствомъ, русскимъ тогдашняго времени очень знакомымъ. Я предполагалъ, что, вѣроятно, и меня тоже назначать вѣхать въ Москву въ числѣ другихъ. Я очень этого желалъ; хотѣлось мнѣ видѣть Москву въ невидѣнной еще обстановкѣ, съ возможностью и все видѣть и всѣмъ воспользоваться. Было и желаніе видѣть тѣхъ, которые были давно симпатичны.

Я распечаталъ пакетъ. Въ бумагахъ значилось слѣдующее: „Государю Императору угодно, чтобы вы и флигель-адъютантъ Истомина съ провождали генераль-адъютанта Граббе ¹⁾ въ Константинополь, куда онъ отправляется завтра“. Я уже свыкъся входить скоро въ новое положеніе, когда оно брало меня врасплохъ. Покориться здѣсь новому было не трудно. Опять востокъ, къ которому я чувствовалъ влеченіе. Новость дѣла и путешествіе въ Константинополь, предметъ давнишнихъ мечтаній вслѣдствіе рассказовъ Андрея Муравьева. За тѣмъ и порученіе не обыденное. Я тотчасъ же отправился къ Граббе тамъ встрѣтился съ товарищами путешествія Истоминымъ и Кочубеемъ. Не заставъ Граббе дома, поѣхали спросить дежурнаго генерала, онъ насъ отправилъ къ гр. Нессельроде. Надо же было отъ кого-нибудь узнать, хотя на сколько времени вѣдемъ и зачѣмъ и когда, чтобы сообразить, какъ приготовиться. Директоръ канцеляріи Нессельроде, Вестманъ, объяснилъ, что Граббе отправляется для разъясненія всѣхъ недоразумѣній, возникшихъ между Турціей и Россіей на счетъ занятія нашими войсками княжествъ Молдавіи и Валахіи.

Въ княжествахъ, состоявшихъ по Ункіаръ-Эскелесскому договору, подъ покровительствомъ Россіи и Порты, возникли безпорядки, въ чемъ господа были виноваты кругомъ. Россія двинула туда съ половины 1848 года 5-й корпусъ подъ начальствомъ генерала Лидерса, силою тысячъ въ 20, пригласивъ и Турцію сдѣлать то же самое. Генераль Дюгамель (генеральнаго штаба) былъ назначенъ военнымъ агентомъ. Со стороны турокъ Омеръ-паша вступилъ съ 15 тыс. корпусомъ, имѣя Фуадъ-Эффенди, какъ агента. Все это не нравилось ни Англіи, ни Франціи, подозрѣвавшимъ Россію въ особыхъ видахъ на княжества. Сэръ Страдфордъ Каннингъ, англійскій

¹⁾ Павелъ Христофоровичъ, впоследствии графъ и атаманъ войска Донского.

посолъ въ Константинополь, настоялъ на требованіи султана, чтобы Россія прекратила оккупацию княжествъ, говоря, что порядокъ уже водворенъ въ нихъ. У насъ не признавали ни водворенія порядка, такъ какъ господа не были еще назначены, ни согласнымъ съ достоинствомъ императорскаго кабинета уступить иностраннымъ вмѣшательствамъ, а самое главное намъ нуженъ былъ базисъ предстоящихъ дѣйствій въ Трансильваніи, такъ какъ оборотъ австрійскихъ дѣлъ уже вызывалъ насъ на помощь.

Инсургенты въ началѣ декабря 1848 года грозили нѣсколь-ко разъ въ Вѣнѣ; востаніе всего населенія, шеклеровъ въ Трансильваніи, и слабость силъ тамъ австрійцевъ грозила слить мятежъ съ недовольными партіями въ княжествахъ. Бемъ, полякъ, послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, приближался съ мятежными венграми къ Германштадту. Австрійскій гарнизонъ просилъ помощи у нашихъ войскъ, стоявшихъ на границѣ. Г. Лидерсъ, слѣдуя инструкціямъ изъ Петербурга, двинулъ съ 5-ю батальонами флигель-адъютанта, полковника Скарятина, къ Германштадту. Не имѣя возможности, по малочисленности своей, защищать городъ, занявъ его, ни времени для образованія защиты изъ жителей, Скарятинъ выбралъ крѣпкую позицію впереди Германштадта и встрѣтилъ Бема, идущаго на городъ съ 8-ю тыс. войска.

Скарятинъ дрался отлично цѣлыя сутки и, уступая численности, отошелъ ночью черезъ городъ, не оставивъ ни одного колеса неприятелю. Потеря его была въ 180 человекъ.

Этимъ мы были уже втянуты въ войну австрійцевъ съ венгерцами, но, судя по послѣдствіямъ, видимо, что такое вмѣшательство уже было нами преднамѣчено.

Мы узнали отъ Вестмана, что поѣздка наша не продолжится болѣе 2 мѣсяцевъ, и что на дорогу выдадутъ по 500 червонцевъ. Граббе просилъ, чтобы ему назначили еще одного офицера. Ему предложили генерала Дайнези, родомъ и съ репутаціей хитраго грека, и графа Фрица Гейдена. Онъ выбралъ послѣдняго, и Государь сказалъ ему, что хорошо сдѣлалъ, прибавивъ, что онъ самъ намѣренъ взять Гейдена къ себѣ.

На другой день, въ 8 часовъ вечера, мы съ Истоминымъ были у Государя въ кабинетѣ. Государь занимался вечеромъ внизу. У него была одна небольшая комната съ очень небольшою переднею, куда выходила его собственная круглая лѣстница сверху, насквозь всего дворца. Эта комната и до сихъ поръ осталась, какъ была при немъ, окнами на плацъ и на

набережную, на самомъ углу. Ему служилъ подъѣздомъ тотъ, который теперь на набережную выходитъ первымъ, гдѣ останавливались потомъ фельдмаршалы и разные принцы. Но чтобы изъ vestibюля пройти въ кабинетъ Государя, нужно было пройти длиннымъ корридормъ гардеробныхъ шкаповъ, принадлежавшихъ къ помещенію великой княгини Ольги Николаевны. Въ маленькой комнатѣ, передъ кабинетомъ, камерднеръ запечатывалъ въ большіе пакеты бумаги и отдавалъ фельдъегерю для развоза министрамъ, когда мы вошли туда.

Насъ ввели въ кабинетъ Государя: — маленькая комната, направо стояла желѣзная походная кровать, покрытая шинелью, налѣво, на столикѣ, передъ зеркаломъ, фарфоровая чашка съ водой и головной щеткой въ ней, поперекъ — письменный столъ съ бумагами, на стѣнахъ небольшіе портреты. Вотъ все, что я успѣлъ замѣтить. Въ этой комнаткѣ тогда все дѣлалось и думалось для Россіи и многое для цѣлой Европы. Государь въ семеновскомъ сюртукѣ безъ эполетъ встрѣтилъ насъ слѣдующей рѣчью:

„Ну, извините меня, друзья мои, что васъ схватили врасплохъ, иначе нельзя было сдѣлать, нужно, чтобы вашъ пріѣздъ не знали заранѣе въ Константинополѣ. Вы поѣдете завтра; ты (обращаясь къ Истомину), когда Граббе найдетъ къ тому возможность и время, осмотришь Турецкій флотъ во всѣхъ его видахъ и отношеніяхъ и какія сдѣланы турками приготовленія къ войнѣ на морѣ, равно укрѣпленія Босфора; мѣста высадокъ на берегахъ Чернаго моря посмотрите вмѣстѣ. Ты же (обращаясь ко мнѣ) сдѣлаешь то же самое въ отношеніи сухопутныхъ войскъ, а чтобы ты имѣлъ случай видѣть, дѣлаются ли какія-нибудь движенія турецкихъ войскъ къ границамъ, изобличающія приготовленія ихъ къ войнѣ, я приказалъ Граббе отправить тебя курьеромъ изъ Константинополя сухимъ путемъ въ Бухарестъ по той дорогѣ, которая, по свѣдѣніямъ на мѣстѣ, будетъ признана имъ всего удобнѣе для этой цѣли. Все видѣнное ты расскажешь Лидерсу и пріѣдете оба ко мнѣ прямо въ Варшаву, гдѣ я буду около 12 мая. Будьте внимательны ко всѣмъ, если они заведутъ съ вами рѣчь о политическихъ событіяхъ, объясните имъ, что Государь, будучи центромъ власти, отвѣчаетъ самъ за все. Ведите себя какъ можно скромнѣе и осторожнѣе, чтобы не подать никакого подозрѣнія. Прощайте, Богъ съ вами. Смотри, не влюбись въ какую-нибудь турчанку, пріѣзжайте здоровыми“, съ этими словами онъ насъ обнялъ, поцѣловалъ и отпустилъ.

На другой день, 22, мы далеко уже были отъ Петербурга, когда нѣкоторые, болѣе посвященные, начали смутно говорить о нашемъ отъѣздѣ. Сначала въ кибиткахъ, на саняхъ, потомъ, ближе къ Кіеву, уже на колесахъ. Ледъ на Днѣпрѣ уже прошелъ, отчасти, и въ лунную, прекрасную ночь я переправился на дубахъ, въ виду лавры. Въ крѣпости было полночь, и большой лаврскій колоколъ звалъ къ вербной заутренѣ. Я вошелъ въ Успенскій соборъ — огромень, мраченъ и древенъ онъ мнѣ показался, какъ исторія его и города. Отраднo было помолиться въ сердцѣ Россіи о собственномъ сердцѣ „да будетъ созиждено оно чисто“.

Въ Одессѣ застали мы канунъ весны, воздухъ былъ уже теплый. Перемена эта была живительна, послѣ недавнихъ еще морозовъ и саней. Пароходъ „Владиміръ“ съ капитаномъ Аркасомъ уже пришелъ изъ Николаева, мы однако же пробыли нѣсколько дней въ ожиданіи Граббе. По первому впечатлѣнію самый городъ не удовлетворилъ моимъ ожиданіямъ. Правда, онъ смотритъ иностраннымъ, много внѣшней жизни и движенія, море составляетъ его лучшее украшеніе. Я зналъ гвардейскихъ офицеровъ, которые ѣздили въ Одессу въ отпускъ, какъ потомъ ѣздили за границу. Одесса привлекала своимъ портофранкомъ, но, нужно сказать, что пріѣзжему было плохо: гостиницы безъ всякаго комфорта, ресторанъ хорошій только у Оттона, въ магазинахъ, конечно, гораздо болѣе разнообразія и дешевизны, но большею частью вещи второстепеннаго достоинства.

Наше кратковременное пребываніе было встревожено печальнымъ событіемъ. Я жилъ съ графомъ Гейденомъ вмѣстѣ, сосѣдомъ былъ его родственникъ, Доппельмейеръ, ѣхавшій на Кавказъ на должность генераль-интенданта. Образованный, очень порядочный человекъ, но больной, истощенный физически и нравственно разнаго рода горькими испытаніями, онъ колебался и страшился будущаго дѣла, мы его ободряли, знакомили съ Кавказомъ и лицами, съ которыми онъ встрѣтится тамъ, мы ихъ знали наизусть, но все это, кажется, помогало мало. Однажды утромъ рано насъ разбудили словами: „Доппельмейеръ застрѣлился“.

Бѣдный лежалъ на полу, отвернувъ рукою воротъ рубашки; черная точка виднѣлась прямо противъ сердца. На столѣ лежалъ клочекъ бумажки, на немъ карандашемъ написано: „Прошу довести Государю и военному министру, что никакихъ другихъ причинъ моей смерти нѣтъ, какъ совершенное исто-

щеніе силъ моральныхъ и физическихъ и полная безнадежность совѣстливо исполнить обязанность, на меня возложенную. Поручаю мою семью и дѣтей великодушію Государя“.

Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья, къ вечеру, мы переѣхали на пароходъ; мнѣ едва удалось обнять старшаго брата, который тамъ служилъ у генераль-губернатора Федорова адъютантомъ. Пароходъ былъ подъ парами, а въ Одессѣ все освѣтилось и загудѣли колокола къ Свѣтлой заутренѣ, когда мы двинулись изъ порта. Мы были инкогнито, отвѣчали намъ, когда мы удивлялись выбранному часу отъѣзда. Мы стояли и смотрѣли на уходящій городъ. Намъ чудились толпы народа съ зажженными свѣчами и пасхальными яйцами.

Затѣмъ сошли къ матросамъ, гдѣ, прочитавъ молитвы, разговѣлись творогомъ и мясомъ и разошлись по каютамъ спать.

Я проснулся рано утромъ отъ непривычнаго шума и треска на пароходѣ—качка была очень сильная. Я едва успѣлъ одѣться и выскочить на палубу. День былъ прекрасный, но волны такъ поддавали, что непривычному нельзя было держаться. Я благополучно отендѣлся и отлежался на палубѣ. Прелесть безбрежнаго моря, его цвѣтъ, брызги волнъ много имѣли привлекательности, но однако же не для всѣхъ. Все-таки мнѣ это давалось легче, нежели моимъ товарищамъ, разумѣется, кромѣ моряка Истомина. Съ нами ѣхалъ драгоманъ въ Константинопольскую миссію Тимофеевъ, и бѣдная его хорошенькая жена пролежала на палубѣ весь день больная. Къ вечеру стихло, и на другое утро, въ 8 часовъ, былъ уже виденъ входъ въ Босфоръ съ его сторожевыми замками на европейской и азіатской сторонахъ. Налѣво была видна большая песчаная отмель, Киллисъ, съ укрѣпленіемъ. Небо было ясно, солнце свѣтло, и мы на всѣхъ парахъ влетѣли въ проливъ.

Передъ нами стали появляться и быстро исчезать отдѣльные кіоски, загородные дома, укрѣпленія Босфора, грозныя на картахъ только, потомъ, стѣсняясь ближе, стали появляться цѣлыя селенія бѣлыхъ домовъ; все это было потоплено въ распутившейся зелени и глядѣлось въ Босфоръ, какъ въ зеркало. Быстрый переходъ отъ суроваго климата въ распутившуюся весну былъ дѣйствительно очарователенъ. Стали попадаться барки съ парусами, напоминавшія флотъ древнихъ грековъ, сначала отдѣльно, затѣмъ чаще и чаще, масса маленькихъ судовъ стояла у береговъ, куча покрытыхъ чадрами женщинъ перѣвзжала съ берега на берегъ. Все было ново, красиво; это былъ востокъ, но иной, нежели нашъ угрюмый Кавказъ. На-

право указали Буюкъ-Дере, нашъ посольскій загородный домъ съ великолѣпными деревьями, затѣмъ, на высотахъ, развалины замка, откуда сталъ пятою исламизмъ надъ Византіей. Налѣво чуть видѣлось мѣсто, гдѣ поставленъ камень на память Ункіарь-Эскелесскому договору Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, когда онъ стоялъ здѣсь въ 1838 г. лагеремъ для огражденія султана отъ Ибрагима-паши, грозившаго овладѣть Константинополемъ. Показался султанскій дворецъ Бегларъ-Бей, мѣсто пребыванія султана. Посольскій флагъ взвился на мачту. Пароходъ вадрогнулъ, посылая салютъ владѣтелю востока, а мы уже смотрѣли на Шираганъ, другой его дворецъ, когда послышался отвѣтный выстрѣлъ отъ недоумѣвающихъ турокъ непрошенному гостю. Мы стояли и смотрѣли во всѣ глаза. Аркасъ предложилъ намъ шампанское за благополучный переѣздъ, мы обратились всѣ къ подносу съ бакалами, въ эту минуту кто-то громко сказалъ: „Царьградъ“. Мы обернулись, передъ нами какая-то еще неясная картина, какъ будто покрытая желтымъ стекляннымъ куполомъ. Очертанія городскихъ строеній на высотахъ, амфитеатромъ, съ иглами въ воздухѣ отъ минаретовъ, тополей и кипарисовъ—этотъ общій видъ былъ восхитителенъ.

Пароходъ остановился, бросивъ якорь передъ входомъ въ Золотой Рогъ. Прямо противъ насъ Стамбулъ упирался угломъ Сераля въ Босфорскія волны и уходилъ за черту, обвиваемую глазомъ, своими куполами, фонтанами и иглами. Налѣво, амфитеатромъ, Скутари, между ними, черезъ шпиль одинокой Леонардовой башни, вдали,—масса воды—Мраморное море, Принцесы острова, а за ними возвышается чертою цѣпь высокихъ горъ, между которыми высится Олимпъ (Малоазіатскій). Направо Пера, на скатѣ горы, съ европейскими домами, внизу огромныя зданія верфи и арсенала, увѣнчанныя великолѣпнымъ дворцомъ русскаго посольства; около насъ входъ въ Золотой Рогъ, мосты, пароходы и тысячи судовъ и каяковъ, движеніе самое бойкое, костюмы самыя живописныя, лица самыя типичныя, загорѣлыя. Насъ тотчасъ окружили каяки, у меня глаза разбѣгались, какъ говорятъ яни: „ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать“.

Во время нашего завтрака пріѣхалъ совѣтникъ нашей миссіи. Халчинскій, привѣтствовать дорогихъ гостей, которые не были по вкусу ни нашимъ, ни туркамъ. Нашимъ—потому, что турки, по наущеніямъ Каннинга, поддержаннаго французами, выбились изъ рукъ нашего посланника Титова и больше не слушались его, требовали вывода нашихъ войскъ изъ княжествъ, считая занятіе ихъ почти нарушеніемъ договора. Турки и послы дру-

гихъ державъ слишкомъ привыкли къ Титову, они его знали секретаремъ и совѣтникомъ посольства. Нужно было появленіе новаго лица и новый тонъ разговора и новыя требованія, не стѣсняясь прежнимъ ходомъ событій, изъ которыхъ Титову было уже мудрено выйти. Туркамъ—потому, что они понимали настоящій смыслъ ихъ отношеній къ Россіи и знали, что въ ихъ прямой выгодѣ не нарушать съ нею согласія, а потому теперь, предавшись англичанамъ, они съ безпокойствомъ встрѣтили нашъ флагъ на посольскомъ пароходѣ и не могли не спросить себя, не далеко ли они слишкомъ зашли, и не вспомнить, что русскіе штыки не за горами.

Мы отчалили отъ парохода въ его катерахъ при салютѣ и крикахъ „ура“ матросовъ на марсахъ. На пристани Топъ-Хане насъ ждали верховыя лошади, на которыхъ по кривымъ улицамъ, въ гору, добрались до дворца посольства. Титовъ насъ принялъ въ кабинетѣ очень вѣжливо, но сухо. Я замѣтилъ большую живость въ движеніяхъ, весьма молодежавый видъ и вообще, какъ говоритъ Гоголь въ Ревизорѣ, „ничего внушающаго уваженія“. Конечно, я не думалъ себя подчинять моимъ первымъ впечатлѣніямъ. Всѣхъ поставили на ноги, чтобы устроить намъ помѣщеніе, а мы пока отправились на большую террасу, превратились всѣ въ глаза передъ величественной картиной Стамбула, надъ которымъ висѣла какая-то золотая мгла отъ солнечныхъ лучей.

Наконецъ размѣстились. Наружность дворца огромна, нѣсколько массивна, сравнительно съ архитектурою города, внутренность имѣетъ много большихъ красивыхъ залъ, но значительная часть служащихъ не живетъ въ домѣ, а въ частныхъ квартирахъ Перы, не имѣющей хорошихъ помѣщеній. Обѣдъ былъ довольно чопорный, еще не познакомились другъ съ другомъ. Жена Титова была привѣтлива, у нея проглядывали сѣдые волосы, но въ ея лицѣ было что-то очень милое и она понравилась намъ всѣмъ.

Собственно, наше чрезвычайное посольство состояло изъ чрезвычайнаго посла генералъ-адъютанта Павла Христофоровича Граббе, котораго я зналъ только по его военной репутаціи на Кавказѣ, онъ намъ представлялся олицетвореніемъ штурма Ахульго. Величавый, вѣжливый, мы предугадывали, что наши отношенія къ нему онъ легко сдѣлаетъ пріятными. Ему были приданы два офицера: я и Истоминъ для цѣлей, которыя намъ объяснилъ Государь при прощаніи. Константинъ Ивановичъ Истоминъ, капитанъ I ранга, былъ сдѣланъ флигель-адъютан-

томъ въ почетъ адмиралу Лазареву и Черноморскому флоту, былъ умный человѣкъ, съ твердымъ характеромъ, рѣзкостью капитана корабля и пріятнымъ собесѣдникомъ, когда не бранился. Кромѣ того былъ гр. Фрицъ Гейденъ, мой близкій товарищъ по Кавказу, и еще новый молодой человѣкъ, Николай Кочубей, сынъ Аркадія Вас. Кочубея, котораго отецъ спроводилъ нѣсколько провѣтриться вдали отъ общества нѣкоторыхъ дамъ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ милый малый, но на свою роль дипломатическаго секретаря при Граббе смотрѣлъ, какъ обыкновенно смотрятъ молодые офицеры, вышедшіе только что изъ академіи на свои обязанности при генералахъ, т.-е. что они призваны поучать.

Наша постоянная миссія въ Константинополь, у которой мы были теперь въ гостяхъ, состояла изъ Владиміра Павловича Титова, который былъ въ ней совѣтникомъ при послѣ Бутеневѣ—оба были женаты на родныхъ сестрахъ, гр. Хребтовичъ. В. П. Титовъ былъ съ большими свѣдѣніями человѣкъ, много учившійся, любознательный до крайности и всѣмъ интересовавшійся. Про него впоследствии говорилъ Тютчевъ: „Titoff se croit être appelé à faire l'inventaire de l'univers“¹⁾. Очень добрый и привѣтливый вмѣстѣ съ тѣмъ, но, казалось намъ, безъ авторитета. Жена его называла просто Титовъ и, кажется, не находила болѣе въ немъ никакой поэмѣ для удовлетворенія своихъ возвышенныхъ мечтаній.

Совѣтникомъ миссіи былъ Халчинскій, умный и хитрый малороссъ, ласковый, но съ большими претензіями на дипломатическій авторитетъ. Секретарями были: кн. Давыдъ Ѳедоровичъ Голицынъ; женатый на Вѣрѣ Столыпиной, милый человѣкъ, и кн. Павелъ Вяземскій, но о нихъ послѣ. Часовъ въ 9 вечера, послѣ обѣда, мы сошли въ помещеніе 3 секретаря — Френа. Онъ долго жилъ въ Персіи, говорилъ по-персидски и по-турецки. Вся его небольшая квартира была отдѣлана персидскими и китайскими вещами, европейскаго ничего не было. Намъ дали трубки и кальяны, растворили окна на Босфоръ и городъ. Ночь была безъ луны, но чрезвычайно звѣздная. Стамбулъ уже погасъ и затихъ. Пера освѣщена была восхитительно. Френъ былъ самый пріятный и интересный человѣкъ въ своихъ разсказахъ.

На другой день нужно осмотрѣться и начать визиты. Нельзя прежде всего не выйти на террасу дворца, съ которой панорама

¹⁾ Титовъ считаетъ себя призваннымъ сдѣлать инвентарь вселенной.

величественна. Трудно оторвать глаза. Затѣмъ спустились на обыкновенную прогулку жителей Перы—Grand champ des morts, огромное кладбище, засаженное кипарисами. Для грековъ это былъ 8 день Пасхи, для франковъ продолженіе Пасхальныхъ празднествъ. Въ кофейныхъ и около было множество народу, все это курило, пило кофе и ѣло мороженое. Плясали вездѣ: становились въ кругъ, клали руки на плечи другъ другу и всѣ вмѣстѣ качались, подымая нѣсколько ноги подъ звуки монотоннаго собственнаго пѣнія; кругъ разрывался, и крайніе махали пестрыми платками, воодушевляли пляску, въ сущности не интересную даже и тогда, когда къ пѣнію присоединялось что-то въ родѣ балалайки или грузинской зурны. Тутъ же по улицѣ встрѣчались безпрестанно простые вѣсы съ гириями: закутанныя женщины проходили, садились, имъ говорили ихъ вѣсы, и всякое прибавленіе его считалось новою красотою въ глазахъ мужа.

Зашли къ Голицынымъ и застали у княгини Вяземскаго, его жену и третью сестру дѣвушку. Это семейство Столыпинныхъ было составлено изъ красавцевъ. Кн. Вяземская, Марія Аркадіевна, была въ первомъ замужествѣ за Бекомъ и ее помѣщали во всѣ кнѣзи за ея красоту. Она была холодная, но сердце у нея было прекрасное. Овдовѣвъ, она вышла за сына поэта князя Петра Андреевича Вяземскаго, Павла, извѣстнаго своимъ чудачествомъ и кутежами. Онъ былъ моложе своей жены и способенъ былъ, какъ только среда перемѣнялась, перемѣняться и самъ: онъ хорошо былъ образованъ и могъ заниматься серьезнымъ дѣломъ. Кн. Вѣра Голицына была милая женщина и красивая, но милѣе ихъ всѣхъ была третья, младшая, Екатерина, привлекательная дѣвушка, хотя не такъ правильно красивая, какъ сестры.

На слѣдующій день мы провожали Граббе въ его визитахъ къ турецкимъ министрамъ. Съ нимъ былъ Титовъ, кн. Ханджерли, первый драгоманъ, и кое-кто изъ миссіи. Фельдъегерь, данный Граббе, настоящее чучело по глупости, не оставлялъ насъ ни на минуту.

Мы были верхомъ на нашихъ лошадяхъ, какъ на извозчикахъ, такъ какъ въ Перѣ, ради узости и извилинъ улицъ, употребляются только верховыя лошади или носилки. Хозяева лошадей бѣжали за ними, подгоняя своихъ клячъ. Поѣздъ по европейскому кварталу не имѣлъ внушительности въ европейскомъ смыслѣ. Въ мундирахъ и въ каскахъ съ султанами мы

привлекали вниманіе не менѣе, какъ если бы по Петербургу прошли слоны.

Въѣзжая въ первый разъ въ самый городъ, мы приостановились на мосту, соединяющемъ Галату и Перу со Стамбуломъ, съ котораго былъ прекрасный видъ, и затѣмъ окунулись разомъ въ Азію: узкія улицы, грязь, толкотня, множество собакъ и вонь—все тутъ было на столичный размѣръ. Въ лавкахъ сидѣли турки, покуривая и не подымая глазъ на гяуровъ, шепча и перебирая янтарныя четки; они насъ не удостоивали вниманіемъ.

Намъ встрѣтилось по пути нѣсколько мечетей изъ бѣлаго мрамора, нѣсколько фонтановъ рѣзныхъ, украшенныхъ арабесками, цвѣтнымъ мраморомъ. Чрезвычайно красивые фонтаны, выстроенные большею частью по завѣщанію богатыхъ людей, льютъ живительную влагу въ прославленіе Магомета и стихи изъ корана красивою вязью служатъ украшеніемъ архитектурнымъ. Все, и кіоскъ фонтана, и прохладная струя, и арабески подъ тѣнью чинаръ и кипарисовъ такъ вводятъ васъ въ прелести Востока, что хочется передъ каждымъ остановиться и присѣсть, и невольно понимаешь апатію мусульманъ къ происходящему вокругъ.

Черезъ лабиринтъ базаровъ и маленькихъ переулковъ мы добрались до Великой Порты. Это огромное четырехугольное зданіе безъ всякаго признака восточной прелести, въ которомъ заключены всѣ министерства и всѣ управленія имперіи. Надъ воротами какое-то окно. Преданіе гласитъ, что въ прежнее время султаны для усмиренія бунтовъ выставляли въ немъ головы министровъ и пашей по требованію черни.

Мы въѣхали подъ самое зданіе, на малый дворъ, куча слугъ бросилась принять у насъ лошадей и по широкимъ ступенямъ и коридорамъ открылось наше шествіе къ апартаментамъ великаго визиря.

Въ коридорахъ толпы слугъ; одни несутъ кофейники, другіе жаровни, третьи—чубуки. Съ тѣхъ поръ, какъ служилое отказалось отъ прежняго восточнаго костюма, всѣ великіе и малые носятъ казакинъ на крючкахъ темнаго цвѣта, разноцвѣтныя панталоны и красную феску. Переходя изъ одной комнаты въ другую, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что Граббе уже начинаетъ насъ кому-то представлять. Отличіе в. визиря состояло только въ большомъ брилліантовомъ орденѣ Нишанъ-Ифшигара на шеѣ.

Большая зала, устланная коврами и кругомъ обставленная коврами диванами, нѣсколько кресель. Только-что усѣлись,

въ дверяхъ явилась толпа слугъ съ чубуками и, какъ лучи изъ одной точки, разсѣялись по гостямъ съ замѣчательною точностью, всѣ одновременно поставили тазики на полъ, уперли въ нихъ трубки, обернулись, и каждый изъ насъ не двигаясь могъ прикоснуться къ янтарию, украшенному драгоценными камнями. Затѣмъ такое же новое явленіе слугъ, каждый держа маленькую чашечку на серебряномъ подносѣ, прикрывъ ее другою рукой. Каждый изъ насъ получилъ кофе въ одно и то же мгновеніе. Въ этомъ заключается хорошая обстановка приѣма. Затѣмъ мы увидѣли въ чашкахъ нѣсколько капель чернаго кофе безъ сахара, прихлебнули, выпустили раза три дымъ изъ чубуковъ и у насъ все это такъ же ловко отобрали. Въ этомъ кратковременномъ наслажденіи заключается этикетъ приѣма. Чѣмъ важнѣе лицо принимающее, тѣмъ короче время угощенія, какъ бы только актъ его мелькнетъ передъ нами. И кофе и табакъ были чрезвычайно ароматичны. Жалко, что такъ мало; в. визирь, Решидъ-паша, небольшого роста, лѣтъ 45, плотный мужчина, съ порядочной бородой, пріятной наружности. Онъ былъ посломъ въ Парижъ и въ Лондонъ и довольно хорошо объяснялся по-французски. Общее мнѣніе, которое мы черпали попутно отъ сопровождавшаго насъ второго драгомана, Черняева, называло его человѣкомъ съ большимъ умомъ, характеромъ, свѣдущимъ и любящимъ искренно славу своего отечества. Съ нимъ одновременно принималъ насъ тутъ же рейсъ-эффенди или министръ иностранныхъ дѣлъ, Али-паша, лѣтъ 35, маленькій, черненькій, съ жидовскою фizioноміей, быстро двигающимися глазами, говорятъ, умный и хитрый баринъ, долго жившій въ Парижѣ, одинъ изъ передовыхъ, съ идеями новыми, представителемъ коихъ въ Турціи былъ Фуадъ-Эффенди.

Мы оставили Граббе, Титова и Ханджерли для конференціи, а сами отправились осматривать Св. Софію. Видѣли и, полные изумленія, возвратились назадъ. Осмотрѣли въ самой Портѣ разныя залы совѣта и кабинетъ султана, гдѣ онъ черезъ окошко, сидя на тронѣ, слушаетъ великорѣчіе своихъ министровъ въ засѣданіяхъ совѣта. Все это довольно поистасканно, комнаты малы и не свѣтлыя, все похоже на наши старинныя барскія деревенскія хоромы, въ которыхъ лѣтъ 30 уже не живутъ.

Послѣ разнесенія карточекъ, на первомъ вечерѣ у нашего посланника насъ представили посламъ иностраннымъ. Англійскій—сэръ Страдфортъ Каннингъ, высокій, худой старикъ, вполне англійскаго типа, большой неохотникъ до Россіи. Гово-

рятъ, кромѣ всѣхъ причинъ, здѣсь замѣшивались и личныя: когда-то Николай Павловичъ отказался принять его въ Петербургъ посломъ. Лэди Каннингъ безцвѣтная, и три дочери, дѣвушки, некрасивыя, но милыя. Французскій—дивизионный генералъ О-Пикъ смотрѣлъ генераломъ, не пускался въ интриги, но шелъ на буксирѣ у Каннинга. Австрійскій—гр. Штурмеръ, маленькій старичекъ, образованный, очень интересный. Онъ былъ делегатомъ отъ Австріи на островѣ Св. Елены во время пребыванія тамъ Наполеона. Жена его, старушка, была воспитана въ семействѣ Камбасереса. Разказы его были любопытны. Прусскій—гр. Пурталесъ, красивый, еще молодой, вполне порядочный, жена его очень красивая.

У Титовыхъ были часто танцевальныя вечера, и мы наивно учили англійскихъ миссъ мазуркѣ. Въ особенности въ этомъ отличался Кочубей. Онъ былъ крайне неловки, но крайне азартно хотѣли выучиться. Поѣхали однажды въ ложу къ посланнику. Театръ—итальянская опера. Существованіе его считалось уже огромнымъ прогрессомъ. Давали „Цампу“. Оркестръ недуренъ, опера шла порядочно. Куча итальянцевъ и грековъ повсюду, всѣ въ фескахъ, въ ложахъ — посольства и негодяи.

Всякаго рода удовольствія намъ предлагались: прогулки на пароходахъ посольскихъ, въ Мраморное море съ дамами. Великолѣпное море и прекрасныя Принцесы острова. Иногда верхомъ мы ѣздили для того, чтобы ознакомиться въ военномъ отношеніи, иногда для забавы. Однажды молодежь поѣхала на взморье, верстъ 30 верхомъ, кое-что изъ укрѣпленій мы могли тайкомъ срисовать, но за нами наблюдали. На берегу Босфора былъ очень хорошій французскій ресторанъ. Пока мы были за завтракомъ, разразилась гроза, когда возвращались въ каикахъ, то волна въ Босфорѣ разыгралась, а съ нею и дельфины на солнцѣ, безпрестанно подававшіе подъ каикъ, насилу доѣхали. Однажды, на азіатской сторонѣ наткнулись на арбу съ 4 женщинами. Возница ихъ и блюститель увелъ буйводовъ ковать, а арбу спряталъ въ кусты. Мы нѣсколько сконфузились, а всѣ эти женщины сейчасъ же открыли лица и всѣ 4 были дурны. По близости зашли въ кофейную выпить мастики съ водой. Въ углу работалъ старый турокъ-чеботарь, слыша русскій говоръ: „не такъ-то у насъ въ матушкѣ Россіи“, вмѣшался онъ въ нашъ разговоръ, мы оглянулись, удивленные. Оказалось, что онъ солдатъ, оставшійся въ 1888 г. отъ отряда Муравьева, женившійся и принявшій исламъ.

„Нѣтъ, уже теперь поздно ворочаться“, сказалъ онъ со слезами на глазахъ на наше приглашеніе возвратиться.

Натурально заѣхали посмотрѣть на дервишей—*harlants* съ *tournants*:—безобразіе одно другого стоитъ; оборванные, грязныя животныя вертятся и кричатъ до безчувствія. Въ ежедневныхъ поѣздкахъ и прогулкахъ по городу любопытство было безпрестанно возбуждено: и лавки, и товары, и базары крытые, и аукціоны въ нихъ, и крикъ, и толкотня страшная, и кухня на улицѣ, и опущенные глаза нешевелиющихся турокъ съ вѣчнымъ кальяномъ или трубкою и янтарными четками. Много привлекательнаго было во всемъ этомъ. Базаръ, обыкновенная прогулка въ пятницу всѣхъ турецкихъ дамъ изъ гаремовъ; много каретъ, запряженныхъ быками или буйволами разукрашенными, въ сопровожденіи черныхъ отвратительныхъ евнуховъ, нѣскольکو экипажей съ хорошею европейскою запряжкой. Множество мелкихъ и крупныхъ группъ подъ зеленью топодей и кипарисовъ были очень живописны. Бѣлыя чадры, которыми женщины закрыты, до тѣхъ поръ кажутся заколдованными, пока не потолкаешься хорошенько пѣшкомъ на базарахъ. Вблизи можно разглядѣть черты. Изъ простыхъ большая часть изъ нихъ распустившіяся въ своихъ желтыхъ балахонахъ, шальварахъ и желтыхъ бабушахъ—далеко не привлекательны; черты лица большія, рѣзкія, лицо немилосердно накрашено. За то, когда вдругъ изъ улицъ, на которыя выходятъ только глухія стѣны домовъ или закрытыя плотною рѣшеткою окна, выѣдешь въ предмѣстье армянское или греческое, Фанаръ,—всѣ окна настезь, въ окнахъ цвѣты и масса женскихъ лицъ, одно другого лучше.

Султану пришла идея возобновить мечеть въ Св. Софіи. Архитекторъ, Фоссетти, взялся за это дѣло, и ему мы обязаны, что видѣли хорошо храмъ. Отмытая вѣковая штукатурка открыла великолѣпную византійскую мозаику. Мы видѣли надъ входными дверями огромной величины образъ Богородицы, по одну сторону которой представленъ во весь ростъ императоръ Константинъ, держащій въ рукѣ городъ, съ другой—императоръ Юстиніанъ, держащій на рукѣ храмъ. Отъ входа шло большое, высокое преддверіе храма въ видѣ галлерей. Потолокъ весь былъ изъ золотой мозаики и по ней кресты изъ той же, только новой; когда они были открыты, то были синяго цвѣта. Но ихъ замѣнили, а все-таки новая мозаика отличала; затѣмъ огромная храмина съ огромнѣйшимъ куполомъ, въ которомъ задѣланы были лики архангеловъ, а крылья оставлены, такъ

какъ для мусульманъ они ничего не выражали. На нашъ взглядъ снизу, это были тѣ же архангелы нашихъ храмовъ. Въ приставленной къ храму башнѣ, ходъ наверхъ былъ покатый, безъ лѣстницы, столь широкій, что можно вѣхаться на колесницѣ прямо на хоры съ мраморной балюстрадой. Кругомъ церкви, на балюстрадѣ, во многихъ мѣстахъ еще остались вырѣзанныя греческія надписи. Все было огромно и величественно. Казалось бы, давно пора водрузить крестъ. Какое бы было служеніе православное въ такомъ храмѣ! Говорятъ, султанъ пожелалъ видѣть, когда штукатурка была снята, и будто бы сказалъ Фоссетти: „мусульмане не могутъ видѣть этого, а потому вновь закройте, но такъ, чтобы не испортилось“.

Насъ чествовали обѣдами у европейскихъ пословъ. Замѣчательно было только одно у англійскаго: на столѣ, передъ каждымъ, вмѣсто многочисленныхъ стакановъ и рюмокъ, стояла одна рюмка и кружка стеклянная съ водой; каждый разъ, какъ выпивалось вино, рюмка опрокидывалась въ кружку и вновь вынималась для наполненія. На обѣдѣ у пашей было другое дѣло. Паши живутъ всѣ въ своихъ домахъ на Босфорѣ круглый годъ и ежедневно ѣздить на службу въ Порту. Ничего нельзя себѣ представить разумнѣе этого. Домъ, на берегу Босфора, окруженный садомъ, возбуждаетъ зависть въ каждомъ европейцѣ. Экипажъ ихъ каикъ съ 6, 12 гребцами, длинный, узкій, быстрый, какъ стрѣла, красивый, какъ птица; когда онъ васъ обгоняетъ, такъ слышенъ свистъ отъ разрѣза воздуха. Роскошь каиковъ такая же, какъ роскошь въ Европѣ на экипажи. Посольскіе каики тоже держатся на уровнѣ лучшихъ. Каикъ гораздо красивѣе венеціанскихъ гондолъ, настолько же, насколько Босфоръ красивѣе Венеціи.

Обѣды у пашей были въ европейскомъ стилѣ: по 30 кушаній и все, что должно быть горячимъ, подавалось холоднымъ, и наоборотъ, это было настоящее наказаніе. Вино пили изъ нихъ нѣкоторые только и то шампанское, другіе не пили. Затѣмъ уходили въ другую залу и тамъ настоящее угощеніе: трубки, кофе и табакъ и шербетъ—это было безукоризненно.

Когда насъ приглашали обѣдать къ пашамъ, мы отправлялись на пароходѣ и часто вмѣстѣ съ иностранными миссіями. Возвращались вечеромъ назадъ въ лунную ночь. Колеса парохода выгребали изъ волнъ чистое серебро, такъ въ проливѣ много фосфора; весла каиковъ, какъ лопатами, черпали металлъ. Однажды Каннингъ указалъ намъ одно мѣсто, очень

узкое, пролива, куда онъ часто весною, въ какія нощю прѣвжалъ слушать пѣніе соловьевъ, одновременно слышное на европейскомъ и на азіатскомъ берегахъ—это сближеніе ему нравилось.

Но эти экскурсіи вмѣстѣ начались, когда мы уже сошлись; сначала было совсѣмъ не такъ. На обѣдъ къ в. визирю Каннингъ опоздалъ на цѣлые полчаса. Когда онъ пошелъ, Граббе, нѣсколько обиженный этою неучтивостью, такъ какъ обѣдъ давался въ его честь, громко сказалъ: *Probablement m-g l'ambassadeur aime les derniers fruits*¹⁾. А за обѣдомъ, когда нужно было пить тостъ за султана, это сдѣлалъ Каннингъ, какъ старшій изъ посланниковъ. Граббе воспользовался и, обратившись къ в. визирю, громко сказалъ: *„laissons ces petits avantages à nos ennemis“*²⁾.

Дѣла наши дипломатическія были счастливо направлены въ благопріятномъ для насъ смыслѣ. Турки согласились на всѣ предложенія Граббе, наши приготовленія были имъ извѣстны, англичане были далеко и потому уступки были понятны, такъ что все шло уже мирно, но лично для меня это было ущербъ въ томъ отношеніи, что моя поѣздка черезъ Адрианополь въ Бухарестъ дѣлалась ненужною.

Назначенъ былъ день смотра войскъ для насъ, мы прѣехали въ Порту. На большомъ дворѣ ея было выстроено два батальона съ 2 орудіями. Мы сѣли у окна и съ трубкой и шербетомъ смотрѣли на глупыя эволюціи и слушали безобразно шумную военную музыку.

Другой день назначенъ былъ для представленія султану. Надѣли пожалованные намъ Нишанъ - Ифшигаръ ордена съ брилліантами и въ посольскомъ какіи отправились въ Бегларъ-Бей. Чрезвычайно красивъ видъ изъ зала черезъ зеркальныя окна на волны Босфора. Залы всѣ въ зеркалахъ и наполнены разными подарками европейскихъ государей.

Когда свиту посла ввели представляться, я увидѣлъ стоящаго на нѣкоторомъ возвышеніи небольшого господина въ темномъ казакинѣ съ огромнымъ брилліантовымъ орденомъ на шеѣ и на груди, съ разставленными ногами въ калошахъ и, несмотря на наши поклоны, не сдѣлавшаго ни малѣйшаго движенія, какъ будто ему представляли воздухъ. Съ тѣмъ мы и ушли. При выходѣ изъ дворца я видѣлъ, какъ нашъ драгоманъ раздавалъ кошельки придворнымъ.

¹⁾ Вѣроятно, и посланникъ любитъ поздніе фрукты.

²⁾ Предоставимъ эти мелкія преимущества нашимъ врагамъ.

Затѣмъ насталь нашъ день отъѣзда. Мѣсяць пребыванія сблизилъ насъ съ членами миссіи. Предубѣжденіе официальное миновало, дѣла были улажены. Пригласили мы посольство съ дамами проводить насъ и провести день съ нами въ благодарность за добродушный ихъ пріемъ и гостепрѣимство. Сначала сдѣлали прогулку къ Принцевымъ островамъ, по Мраморному морю, обѣдали на пароходѣ, много танцовали. Но наступилъ вечеръ. Мы высадили дамъ у Буюкъ-Дере, гдѣ миссію ждалъ свой пароходъ, и простились не безъ грусти. Мы возвращались всѣ, кромѣ Кочубея, который причисленъ былъ къ миссіи. Онъ скоро послѣ женился на Столыпной, хотя ему уже грозила грудная болѣзнь; но она, бѣдная, раньше его умерла отъ чихотки въ Одессѣ, и онъ тоже, но уже послѣ второго брака своего съ Молчановой (Волконской).

20 апрѣля, послѣ 32 часового великолѣпнаго плаванія мы были въ Одессѣ. Прошедшее было, какъ очаровательный сонъ, и пока море было подъ глазами, я отъ него не просыпался, но неумолимая дѣйствительность была передъ глазами въ формѣ Одесской гавани, которая казалась теперь лужею съ карантинною стѣною по берегу.

Съѣхали на берегъ прямо въ карантинъ со всѣми предосторожностями зачумленныхъ. Для насъ, простыхъ смертныхъ, это кое-какъ сошло, но каково должно было для Граббе съ его аллюрами и формами средневѣкового рыцаря и немножко Бахчисарайскаго Гирея снимать хламиды и дѣлать телеграфическія движенія крыльевъ передъ карантиннымъ врачомъ, чтобы убѣдиться въ неимѣніи нигдѣ на тѣлѣ чумныхъ признаковъ. Дикіе люди могутъ быть величественными и голыми, мы, бѣлые, безъ рубашекъ смѣшны. Грустно видѣть себя за рѣшеткою, хотя помѣщеннымъ со всѣми возможными удобствами, но карантинъ такая вещь, что когда всѣ мелочныя предосторожности практикуются постоянно, тогда онъ только что-нибудь да значить. Въ Турціи уже давно не слышно было о чумѣ, но надъ нами весь процессъ продѣлывали, какъ надъ зачумленными. Къ сожалѣнію, нужно прибавить, что когда чума была, то два раза она была завезена въ карантинъ и 2 раза проникла въ городъ. Мы были послѣдніе, выдержавшіе 14 дней заточенія. Это время, нужно сознаться, было проведено безъ пользы. Я и Гейденъ составляли записки о видѣнномъ военномъ дѣлѣ въ Турціи. Свѣдѣній много собрать было трудно въ одинъ мѣсяць, когда въ нашей миссіи совершенно ничего не знали о томъ, что дѣлается въ военной сферѣ у турокъ. Обыкновенно день

проводили вмѣстѣ. Въ 12 часовъ начинался завтракъ, морская рыба и запасы изъ Константинополя играли большую роль въ нашей кухнѣ; въ 5 обѣдали, вечеромъ выходили гулять и любоваться на закатъ солнца, потомъ сажались играть въ вистъ и въ 12 ужинали. Но въ три прѣсѣта мы проводили часовъ 6—7 за столомъ, разговоръ былъ нескончаемъ. Мы видѣли только теперь близко Граббе, когда поселились въ однѣхъ комнатахъ. Иногда Истоминъ рассказывалъ про Англію, которую ставилъ въ примѣръ всему, и когда съ нимъ начинали спорить, онъ спрашивалъ: „Были ли вы въ Англіи“.—„Нѣтъ“.—„Такъ я и спорить съ вами не буду“. Главнымъ рассказчикомъ былъ Граббе. Факты изъ отечественной войны, Польской войны 1881 г. и Кавказа давали безконечную тему разсказа. Павелъ Христофоровичъ владѣлъ языкомъ устнымъ и письменнымъ прекрасно, выражался одинаково по-русски и по-французски краснорѣчиво, но фраза у него играла важную роль. Фраза не импровизированная, а когда-то сказанная прежде. Разсказы были эпизодическіе, какъ бы печатные; онъ самъ въ нихъ игралъ значительную роль. Онъ много читалъ, умъ его былъ образованъ классически, онъ любилъ поэзію. Но постоянное держаніе себя въ подъоблачныхъ сферахъ придавало мало натурального всему, что онъ говорилъ, и, несмотря на его чрезвычайно благородный, возвышенный характеръ, доблестное военное служеніе, онъ на многихъ производилъ невыгодное впечатлѣніе и въ особенности не всегда правдиваго человѣка, и это только ради фразы, которою онъ дорожилъ, и она повторялась у него непремѣнно, неизбѣжно на однажды найденномъ для нея мѣстѣ.

Примѣры были такого рода: въ 12 году онъ былъ артиллерійскимъ поручикомъ, у Ермолова ординарцемъ. Въ Бородинскомъ сраженіи онъ прѣзжаетъ на правый флангъ позиціи къ дивизіи Паскевича, видитъ, что французы отняли у него батарею. Самъ Паскевичъ — *сomme Dieu Thème* — стоитъ недвижимъ, Граббе беретъ два гренадерскіе батальона изъ его дивизіи, возвращаетъ съ ними вятія французомъ орудія, подѣзжаетъ къ Паскевичу и говоритъ: „вотъ ваши орудія, генералъ“. Паскевичъ не сказалъ ни слова, — прибавлялъ Граббе, не имѣлъ даже великодушія поблагодарить офицера за блистательный поступокъ“. Другой эпизодъ: Мюратъ дѣлалъ фланговое движеніе передъ нашими двумя корпусами, имѣя за собою рѣку. Милорадовичъ хотѣлъ воспользоваться ошибкою Мюрата и притиснуть его къ рѣкѣ. Посылаетъ Граббе,

который состоялъ при немъ въ это время, сказать Раевскому, командовавшему авангардомъ, чтобы онъ сильно атаковалъ тотчасъ же непріятеля. Граббе пріѣхалъ къ передовой цѣли стрѣлковъ и, не найдя начальниковъ, прямо самъ повелъ войска въ атаку. Раевскій, наѣхавъ на эту сцену, строго спросилъ: „Кто это здѣсь распоряжается“, и прогналъ Граббе. „Тогда я окинулъ его презрѣніемъ“, говоритъ Граббе и, пріѣхавъ къ Милорадовичу, сказалъ ему: „у васъ нѣтъ генерала въ авангардѣ“.

Кто знаетъ войну и велъ ее, тому невольно кажутся странными такіе эпизоды съ артиллерійскимъ поручикомъ и ординарцемъ. Сколько бы разъ, однако же, Граббе ни возвращался къ этому разсказу, онъ его передавалъ одинаково, слово въ слово, фраза въ фразу. Мы очень уважали Павла Христофоровича и по репутаціи и за манеру держать себя. Для насъ были иногда тяжелы его разсказы, они такъ были наполнены его лицомъ и часто уваженіемъ другихъ, которыхъ имена мы привыкли также уважать съ дѣтства.

Къ рѣшеткѣ карантина иногда вызывалъ Граббе или Истомина адмиралъ Лазаревъ. Небольшой ростомъ, сутуловатый Михаилъ Петровичъ уже пользовался громкою репутаціей, и мы смотрѣли на него съ любопытствомъ, а разсказы Истомина про него интересовали насъ. Меня къ рѣшеткѣ вызывалъ мой старшій братъ Павелъ, служившій въ Одессѣ адъютантомъ у генералъ-губернатора Ѳедорова. Онъ имѣлъ много сносібностей къ службѣ, которую несъ въ штабѣ, и былъ всегда полезенъ. Къ сожалѣнію, это продолжалось не долго.

Венгерская война уже началась -- Государь былъ въ Варшавѣ, и мы отправились туда. На прощаніе зашли мы съ братомъ въ церковь, помолились. Онъ благословилъ меня, какъ старшій, образомъ дорожнымъ, и съ тѣхъ поръ онъ меня не покидаетъ.

